

**КОРЕНЬ
ЗЛА**

**МЕЛЬНИКОВ АЛЕКСАНДР
ДРЕВНЕРИМСКИЙ ДЕТЕКТИВ**

Александр Мельников

Корень Зла

<https://litres.ru/74159963>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Корень зла» — детектив в декорациях Древнего Рима, где философ расследует убийство, а находит тайну, способную уничтожить империю.

Рим, консульство Домициана. Философ Гай Юлий Фабиан, изгнанный из сената за острый язык, переписывает чужие тексты. Но однажды в его дверь стучится перепуганный раб с вестью: старый переписчик Секст Эмилий найден мёртвым. На губах — зола, в яблоках — чёрные гвозди, а единственная улика — выцарапанное ногтем слово: LIBER (Книга).

Книга, которую Секст переписывал для сенатора Корнелия. Книга, которую ищут все — от уличных головорезов до императорской гвардии. Та, что может превратить любого в абсолютного властелина — или уничтожить его.

Фабиану предстоит погрузиться в мир лжи, предательства и магии власти. Погони в портовых трущобах, тайные встречи в катакомбах. Но чем ближе он к разгадке, тем яснее одно: истина опаснее любого меча. И чтобы спасти Рим, ему придётся не только найти книгу, но и решить, что с ней делать — сжечь или сохранить.

Содержание

КОРЕНЬ ЗЛА	4
Трактат Гая Юлия Фабиана, записанный в консульство Домициана в год, когда Рим забыл, что такое страх, и вспомнил, что такое ужас	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УЛИКА ИЗ ПЕПЛА	5
Глава 1. Дождь над Форумом	5
Глава 2. Дорога через Форум	13
Глава 3. Скрипторий	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Мельников

Корень Зла

КОРЕНЬ ЗЛА

**Трактат Гая Юлия Фабиана,
записанный в консульство Домициана
в год, когда Рим забыл, что такое
страх, и вспомнил, что такое ужас**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УЛИКА ИЗ ПЕПЛА

Глава 1. Дождь над Форумом

Рим в дождь - это совсем не тот Рим, который описывают поэты. Золото мрамора тускнеет, колоннады превращаются в серые кости, а бронзовые колесницы на крышах храмов кажутся скорее тенями прошлого, чем украшениями. Вода стекает по мостовым, смывая в сточные канавы остатки вчерашних пиров и уличной грязи, и весь город начинает пахнуть мокрой шерстью, сырым деревом и чем-то кислым, что рождается в тесных переулках Субуры, где даже днём не бывает солнца.

В тот день я стоял у узкого окна своей комнаты на третьем этаже *инсулы* за театром Марцелла и смотрел, как потоки воды разбиваются о черепицу соседних крыш. Дождь шёл уже три часа, не переставая, и внизу, на улице, почти не было прохожих. Лишь изредка пробегал раб с корзиной, прикрывая голову плетёным щитом, да торговец горячей кашей, проклиная небеса, укрывался под навесом портика.

Моя комната - если можно назвать комнатой эту каморку с наклонным потолком, глиняной лампой на столе и продав-

ленным ложем в углу - была заставлена свитками. Они лежали на полу, на подоконнике, на единственной полке, которую я сам прибил к стене три года назад. Я переписывал для богатых бездельников тексты Лукреция и Сенеки, чтобы платить за крышу над головой и покупать хлеб с чечевицей, но чаще я переписывал для себя - свои собственные мысли, которые складывались в трактат, которому я не мог найти названия.

Я называл его «О природе злой воли». Но это было громко для черновиков, исписанных плохими чернилами на оборотах старых папирусов. Суть была проще: я пытался понять, почему человек делает зло. Не по случайности, не в гневе, а обдуманно, холодно, с расчётом. Почему сенатор отравляет конкурента, а не просто побеждает его в споре? Почему раб убивает хозяина, а не убегает? Почему император казнит полководца, который ему даже не угрожал?

Я искал корень. Или, если угодно, *зародыш* зла. Но в тот дождливый день все мои размышления потеряли смысл, потому что зло само постучало в мою дверь.

Я перечитывал уже в третий раз «О природе вещей» Лукреция, когда услышал тяжёлые, неровные шаги на лестнице. Кто-то поднимался в нашу *инсулу* - не торопясь, но с отчаянием. Шаги спотыкались о ступени, и я почувствовал, как доски пола в коридоре скрипнули под тяжестью чужого тела.

Дверь распахнулась без стука.

В комнату влетел мальчик - я узнал его сразу: это был Милон, раб Секста Эмилия, старого переписчика, который жил на той же улице, двумя домами дальше. Мы встречались несколько раз, когда Секст присылал его с готовыми свитками или заказом на сверку текстов. Милон был невысоким, худым, с копной тёмных волос и испуганными глазами - такими испуганными, что я невольно отложил папирус.

Он был мокрым до нитки. Его туника, серая от грязи, прилипла к телу, а из-под босых ног на полу сразу образовалась лужа. Лицо мальчика было бледнее мрамора, и он дрожал так, что стучали зубы.

- Господин Фабиан, - прошептал он, падая на колени прямо в эту лужу. - Хозяин мёртв. Мёртв, господин. Он лежит в скриптории, и у него на лице улыбка, но он мёртв. И на губах... на губах у него пепел. Сухой пепел, как в храме Весты. Я не знаю, что мне делать, господин. Я никому не сказал, кроме тебя. Ты философ, ты должен знать, что это значит.

Я поднялся и подошёл к нему. Пахло от мальчика дождём, потом и ещё чем-то сладковатым - странным, незнакомым запахом, который я не мог определить, но который моментально въелся в ноздри и не выветривался.

- Встань, Милон, - сказал я, стараясь говорить спокойно, хотя внутри меня уже закрутилась пружина тревоги. - Сядь вот сюда. Рассказывай по порядку. Секст умер сегодня утром?

Мальчик попытался подняться, но ноги отказывались его

держат. Я помог ему сесть на моё продавленное ложе, налил из кратера воды, заткнул пробкой глиняный кувшин. Он взял чашку дрожащими руками, сделал глоток - и вдруг заплакал, тихо, беззвучно, как плачут дети, когда страх уже переполнил их, а слезы больше не смывают ужас.

- Я пришёл сегодня утром, как обычно, - начал он, заикаясь, - чтобы отнести заказчикам готовые свитки. Секст вчера вечером сказал мне: «Приходи пораньше, работа важная». И я пришёл. А дверь была приоткрыта, хотя Секст никогда не оставлял дверь открытой, он даже в летнюю жару запирает её на засов. Я вошёл. Внутри пахло странно - пахло тем же, чем пахнет от тебя, господин, от мокрой шерсти, и ещё сладким дымом, как будто жгли ладан, но неправильный, плохой ладан. И он лежал на спине, раскинув руки. Я подумал, он спит, но глаза были открыты. И он улыбался, господин, он улыбался так, будто увидел что-то прекрасное, но улыбка была мёртвой, я это сразу понял. А на губах - зола. Серая, мелкая, как мука.

- Ты прикасался к нему? - спросил я.

- Нет, - Милон содрогнулся. - Я испугался. Я хотел позвать соседей, но потом увидел на столе три яблока. В каждое был воткнут чёрный гвоздь. Чёрный гвоздь, господин! Такие используют только для проклятий. Соседи говорили, что в прошлом месяце Секста прокляла одна женщина, которой он не отдал свиток. Но я не знаю, правда ли это.

Я нахмурился. Чёрные гвозди в яблоках - это не простое

воровство или бытовая ссора. Это ритуал. Такое делают те, кто верит в старые, неримские боги, или те, кто хочет запугать до смерти.

- Ты побежал к сенатору Корнелию, как сказал Секст? - спросил я. - Ведь Корнелий был его главным заказчиком.

Милон кивнул и вдруг зарыдал громче.

- Да, господин. Секст говорил мне вчера: «Корнелий ждёт свиток, отнеси его завтра». Я побежал к Корнелию, потому что думал, что сенатор должен знать о смерти. Но когда я дошёл до его дома на Палатине, я увидел, что у входа стоят плакальщицы. Я спросил раба, что случилось, а он сказал, что сенатор Корнелий упал с лестницы сегодня на рассвете. Он мёртв, господин. Мёртв, как Секст.

Я сел обратно на своё место и провёл рукой по лицу. Два смертельных случая за одну ночь. Переписчик и сенатор. И оба каким-то образом связаны заказом - той самой «важной работой», о которой говорил Секст.

- Милон, - сказал я, - в скриптории, в мастерской Секста, была какая-нибудь новая книга? Свиток, которого он раньше не переписывал?

Мальчик задумался, шмыгая носом.

- Я не помню, господин. В мастерской всегда лежат десятки свитков - и старых, и новых. Но вчера, когда я уходил, я видел на столе один, на который Секст накинул тряпку. Обычно он никогда не прячет работу. Он гордился ею. А тут - накрыл, словно стыдился. И я подумал, что это, наверное,

заказ Корнелия, но не спросил.

- А сейчас, когда ты вернулся, этот свиток был на месте?

Милон покачал головой, и его лицо стало ещё более бледным.

- Нет, господин. Я искал. Весь скрипторий обшарил. Там двадцать три свитка, я знаю их каждый, каждый я держал в руках. И все старые. Никакого нового свитка. Будто его вообще не существовало.

Я понял, что это самое важное. Свиток исчез. Вместе с ним исчезла и причина смерти Секста. И, возможно, причина смерти Корнелия.

- Секст что-нибудь оставил? - спросил я. - Какую-то записку, знак? Может быть, он написал что-то, прежде чем умереть?

Милон замер, и я увидел, как его рука машинально потянулась к поясу, где он носил вощёные таблички для записей. Он достал одну, сломанную пополам, и протянул мне.

- Вот, господин. Я нашёл это под его рукой. Он, видно, выцарапал это в последний миг, пока у него были силы.

Я взял табличку. Воск был исцарапан ногтем с такой силой, что буквы выступали над поверхностью, как шрамы. Всего одно слово, но написанное крупно, размашисто, почти в панике:

LIBER.

- Книга, - прошептал я. - Он написал «книга». Значит, он успел понять, что его убивают из-за неё. Или он хотел сказать

мне, что книга - причина.

- Господин, - тихо сказал Милон, - а что нам делать? Префект уже поставил печать на дверь скриптория. Он сказал соседям, что это несчастный случай - мол, полка обрушилась и придавила старика. Но я видел, как префектовы люди шарили по углам. Они не искали улики - они искали ту самую книгу. Я видел, как один из них сунул в мешок кучу пергамента с пола. Они унесли бумаги, господин.

- Префект? - я почувствовал, как напряглись мышцы на спине. - Но почему префекту понадобились бумаги Секста? Обычно при несчастных случаях просто забирают тело и опечатывают помещение.

- Я не знаю, господин. Но они были в тяжёлых сандалиях, с металлическими гвоздями на подошве. Я слышал, как они стучат по камню. Это не простые стражники.

Я встал. В голове уже складывалась картина: кто-то могущественный, возможно, из императорского окружения, уничтожил Секста, потому что он переписывал опасный текст. Потом этот же кто-то убил Корнелия, потому что тот был заказчиком. А теперь префект пришёл и забрал все улики, чтобы замести следы.

Но Секст успел оставить мне табличку со словом «LIBER». И Милон успел найти её до прихода префекта.

- Милон, - сказал я, накидывая плащ и застёгивая фибулу на плече, - мы идём в скрипторий. Сейчас. Пока солнце не село и пока префектовы люди не сожгли всё, что там оста-

лось.

- Но дверь опечатана! - возразил мальчик.

- Я знаю чёрный ход, - усмехнулся я. - У Секста был подвал, где он хранил бракованные свитки. Я заходил туда однажды, когда он просил меня оценить один текст. Есть лаз через пекарню по соседству. Мы войдём незамеченными.

Милон посмотрел на меня с недоверием, но кивнул. Мы вышли из моей комнаты, и я запер дверь на засов - в Риме не стоит оставлять жилище открытым, даже если в нём нечего красть.

Глава 2. Дорога через Форум

Дождь к тому моменту усилился. Небо почернело до той степени, когда даже днём кажется, что наступил вечер. Мы спустились по скользким ступеням *инсулы* и вышли на улицу, которая вела к театру Марцелла. Вода бежала по мостовой ручьями, смывая в сточные каналы грязь и обрывки овощей, выброшенных из окон. В воздухе витал запах гниющих отбросов - бедные кварталы Рима никогда не были чистыми, а дождь лишь выносил на поверхность их скрытую нечистоту.

Я шёл быстро, Милон едва поспевал за мной, шлёпая босыми ногами по мокрому камню. Мы свернули на дорогу Виа Фламиния которая вела к Форуму, но я выбрал обходную дорогу - через старые склады и портики, где редко ходят люди. Мне не хотелось привлекать внимание.

Я размышлял по пути. «Книга» - что это могло быть? Текст? Свиток? Может быть, это была та самая «важная работа», которую Секст делал для Корнелия. Если книга была настолько опасна, что её похитили и убили всех, кто с ней соприкасался, значит, её содержание было известно кому-то, кто не хотел, чтобы оно попало в чужие руки. Но кому?

Секст был старым переписчиком, тихим, незаметным. Корнелий - сенатором-патрицием, который уже двадцать лет не появлялся в Курии, предпочитая заниматься виноградни-

ками и библиотекой. У них не было явных врагов, и ни один из них не был политически активен. Значит, причина была именно в тексте.

Я вспомнил слухи, которые ходили в последние месяцы. Говорили, что император Домициан озабочен поиском какой-то древней книги, которая якобы содержит пророчества о его правлении. Некоторые утверждали, что это книга предсказаний, где написано, когда умрёт император. Другие - что это список заговорщиков, которые хотят его свергнуть. Третьи - что это книга, написанная самим Тиберием, в которой он раскрывает все тайны своего правления.

Я не знал, чему верить. Но теперь, когда у меня на руках было слово «LIBER», я не мог игнорировать эти слухи.

Мы вышли на Форум, и я остановился, чтобы перевести дух. Даже под дождём Форум выглядел величественно - храм Сатурна с его восемью колоннами, базилика Юлия с портиком, пустая ораторская трибуна, с которой когда-то Цицерон произносил свои речи. Всё это было мокрым, серым, но от этого ещё более монументальным. Статуи императоров смотрели на меня каменными глазами, и мне показалось на мгновение, что они знают о книге больше, чем говорят.

- Господин, - прошептал Милон, дёргая меня за плащ, - смотри.

Я обернулся. У входа в храм Весты, на ступенях, стоял человек в тёмном плаще, неподвижный, как статуя. Он не прятался от дождя, он просто стоял и смотрел в нашу сторону.

Его лица было не разглядеть из-за капюшона, но я заметил, что в руке он держит ветку лавра.

- Это тот, кого я видел вчера, - прошептал Милон. - Тот самый человек с лавром. Он стоял у перекрёстка и смотрел на окно Секста.

- Ты уверен?

- Да, господин. Такая же ветка. Такая же поза. Он даже двигаться не умеет нормально - он словно ждёт чего-то.

Человек с лавром не делал попыток приблизиться или напасть. Он просто стоял и смотрел, а потом, как по команде, развернулся и исчез за колоннадой базилики.

- Он ушёл, - сказал я. - Но он знает, где мы. Это значит, что нас могут ждать.

- Что нам делать, господин? - спросил Милон, и голос его дрожал.

- Мы идём в скрипторий, - ответил я. - Быстрее, пока он не привёл подкрепление.

Мы побежали через Форум, петляя между колонн и мокрых статуй, пока не добрались до *инсулы*, где жил Секст. У входа действительно была опечатанная дверь - префектова печать красным воском с изображением орла. Но я знал, что за углом есть вход в пекарню, из которой через старую кладовую можно попасть в подвал Секста.

Пекарь, толстый грек с заспанными глазами, не стал нас останавливать - я сунул ему в руку медную монету и сказал, что мы пришли забрать книги, которые Секст должен был

переписать. Он махнул рукой, показывая на лестницу в подвал.

Мы спустились. В подвале пахло сырой мукой и плесенью. В углу лежали пустые амфоры и куча старого тряпья. Я отодвинул одну из амфор и увидел проход - узкий лаз, ведущий прямо в скрипторий.

Глава 3. Скрипторий

Я просунул голову в лаз и осмотрелся. Внутри было полутемно - тусклый свет пробивался через маленькое окно под потолком, затянутое бычьим пузырьём, который пропускал лишь размытые серые очертания. Масляные лампы, стоявшие на столах, были потушены, и в комнате витал тот же запах, о котором говорил Милон: смесь старого папируса, клейстера и сладковатого, почти приторного дыма.

Я выбрался из лаза и помог Милону. Мы оказались в углу мастерской, за ширмой, за которой Секст хранил инструменты для переплёта. Я осмотрелся.

Скрипторий был небольшим - около трёх шагов в длину и двух в ширину. Стены были уставлены деревянными полками, до отказа забитыми свитками - старые папирусы, свёрнутые в трубки, с кожаными ярлыками, на которых было написано содержание. Пол был каменный, из тёмного базальта, влажный от дождя, просачивающегося через щели.

В центре стоял большой рабочий стол из дуба, на котором валялись исписанные восковые таблички, несколько стилей, площадка с остывшим клейстером и три яблока. Я подошёл ближе и замер.

Яблоки были красными, крупными, с глянцевой кожурой. В каждое из них был воткнут чёрный гвоздь - ржавый, с зубринами, явно не из Рима. Такие гвозди делали варвары

из железа, смешанного с пеплом, чтобы металл не ржавел слишком быстро. Я вытащил один гвоздь и поднёс к свету. На головке была выгравирована буква: Θ.

Тета. Греческая буква. Символ смерти, Тартара, безысходности. Я видел такие знаки в старых магических текстах, которые переписывали в Александрии. Это не было римским ритуалом.

- Милон, - сказал я, - эти яблоки лежали так, когда ты пришёл?

- Да, господин. Я ничего не трогал. Я сразу же побежал за тобой.

Я перевёл взгляд на очаг в углу. Он был холоден, но в нём лежала куча пепла - не просто от дров, а смешанная с мелкими обугленными косточками. Кто-то сжигал кости прямо в очаге, и делал это недавно, потому что запах ещё не выветрился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.